Луисса Ли

18+

ТИШИНА ПОСЛЕ Полуночи

18+

МегаМегафон МегаМегафон
Тишина после полуночи

https://litres.ru/74921207
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна случайная встреча после полуночи навсегда изменила жизнь Анастасии. Она стала свидетельницей жестокого преступления, совершённого человеком, перед которым дрожал весь город.

Виктор Лебедев привык управлять чужими судьбами. Для него не существовало неподкупных людей, непокорных женщин и непреодолимых препятствий. Пока не появилась она.

Он хотел заставить её молчать. Она осмелилась разрушить его империю.

Между ними — страх, ненависть, одержимость и годы, способные изменить всё.

Но кто мог предположить, что женщина, лишившая его свободы, однажды станет единственным человеком, ради которого ему захочется жить?

История о власти, искуплении и любви, которая рождается там, где, казалось бы, ей совсем не место.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

МегаМегафон
Тишина после полуночи

МегаМегафон
Тишина после полуночи

Глава 1

Было уже далеко за полночь, когда я наконец выключила компьютер. Улицы опустели, превратившись в коридоры из жёлтого света фонарей и синих теней. Я шла быстро, уставшая до костей, но привыкшая к этому маршруту. Спальный район, тишина. Только скрип моих ботинок по снежной каше да далёкий гул магистрали.

Поворот к моему дому. И тут — звуки. Не крик даже. Сначала я приняла их за рычание собак у мусорных контейнеров. Что-то тяжёлое, хриплое, прерывистое. Я замедлила шаг, затаила дыхание.

И увидела.

У бетонных плит, возле зияющих ртов баков, двое. Один лежал, скрутившись калачиком, подставляя спину и голову. Второй, в длинном дорогом пальто, методично, почти ритмично, бил его ногой в бок. Тупой, мокрый звук. Не спеша. Будто выполнял скучную, но необходимую работу.

У меня внутри всё оборвалось и застыло. Рука сама полезла в карман за телефоном. Не думала. Сработал инстинкт улицы: сними, докажи. Я прижалась к стене гаража, подняла телефон. Зум не стал приближать — боялась шевельнуться. На экране заплыло чёрное пальто, широкие плечи, короткие седые волосы мужчины. Он наклонился, что-то сказал лежащему. Голос был тихим, спокойным, и от этого стало ещё

страшнее. Потом он выпрямился, поправил перчатку и нанёс ещё два точных, аккуратных удара.

Я перестала дышать. Мне показалось, он услышал стук моего сердца. Он замер, медленно повернул голову в мою сторону. Я вжалась в стену, в тень. Он смотрел в темноту несколько секунд, которые длились вечность. Потом плюнул рядом с лежащим телом, развернулся и пошёл прочь, не оглядываясь. Шаг был уверенным, тяжёлым. Он сел в чёрный внедорожник, стоявший в стороне без номеров. Машина тронулась почти бесшумно.

Только когда красные огни задних фар растворились в темноте, я побежала к тому, кто лежал у баков. Он был жив, хрипел, из носа текла кровь. Я набрала «скорую», голос мой дребезжал, как чужой. Потом — полицию.

Анонимный свидетель

В участке мне предложили чай из пакетика, который пах пылью. Следователь, усталый мужчина с добрыми глазами, спросил: — Вы уверены, что не видели лицо? Можете описать? Я знала, что видела. Каждую деталь. Лицо с жесткими, как из гранита, чертами, шрам от края губы к уху, холодные, совершенно плоские глаза. Я видела это лицо раньше. В телерепортажах об открытии бизнес-центра, на старых газетных фотографиях в статьях о «загадочных пожарах» на рынках. Его звали Виктор Лебедев. Для города — уважаемый предприниматель, меценат. Для тех, кто знает, — «Хозяин». Говорили, он давно уже не пачкает руки, что у него есть лю-

ди для грязной работы.

Я посмотрела на следователя. На его усталое, пропахшее табаком и беспомощностью лицо. Я представила, как называю имя. Моё заявление превратится из анонимной бумажки в дело. Моя фамилия, адрес, место работы. А потом — звонок. Тихий, спокойный голос в трубке: «Ты ошиблась, девочка. Давай обсудим твою ошибку».

— Нет, — прошептала я. — Темно было. Лица не видела. Машину тоже. Я… я только видео сняла. Без звука.

Я передала ему флешку с копией. Оригинал остался у меня, спрятанный в облаке под детским паролем.

— Вы поступили правильно, — сказал следователь, но в его глазах я прочла облегчение. Ему тоже не хотелось этой войны.

Тень «Хозяина»

На следующий день в новостях мелькнуло сообщение: «Возле многоэтажки на ул. Садовой было найдено тело мужчины с признаками насильственной смерти. Расследование ведётся». Ни имени погибшего, ни подозреваемых. Тишина.

Но моя тишина кончилась. Я начала видеть его повсюду. Вернее, его людей. Молодой парень, слишком долго читающий объявления у моего подъезда. Одинаковые чёрные машины, медленно проплывающие мимо моего офиса. Я сменила маршрут, начала выходить на две остановки раньше, запирала дверь на все замки и ставила стул под ручку.

А потом пришло сообщение. На мой рабочий, никому не

известный в соцсетях, email.

«Спасибо за чистоту нашего города. Ты проявила гражданскую сознательность. Мы это ценим. На всякий случай: файл ‘Ночь у контейнеров.mov’ в твоём облаке ‘Личное’ — очень качественный. Поздравляю с удачным кадром. Хорошего дня.»

Ни угроз. Ни требований. Просто констатация. Он знал. Он знал ВСЁ. Мой страх, мой пароль, мой псевдоним в облаке. Он дотянулся до меня, не сдвинувшись с кресла в своём кабинете.

Я удалила файл. Стерла историю браузера. Но знала, что это бесполезно. Цифровой след, как и след на песке, можно стереть. Но тот, кто видел его один раз, уже никогда не забудет его форму.

Теперь я живу с этим знанием. Я выхожу с работы раньше, при дневном свете. Я избегаю тёмных углов и мусорных баков. Я научилась видеть не людей, а тени. И в каждой тени мне мерещится очертание дорогого пальто и спокойный, методичный звук удара.

Я не героиня. Я — свидетель, который решил остаться в живых. И иногда, поздно ночью, я думаю о том человеке у контейнеров. Кем он был? Что сделал? И понимаю, что, возможно, сняла на видео не просто преступление. Я сняла приговор. И своим молчанием подписала его. Не ему. Себе.

Они говорят, что у страха глаза велики. Но у молчания — нет глаз вообще. Оно просто глухое и тёмное, как тот пере-

улок, из которого я уже никогда не выйду по-настоящему.

Глава 2

Меня никогда не видели торопливым. Спешка — удел мелких людей. У того, у Бориски, был долг. Не денежный — это проще. Долг уважения. Он начал мнить себя умнее, самостоятельнее. Думал, что старые правила его не касаются. Это была не месть. Это — техническое обслуживание системы. Корректировка.

Контейнерная площадка у его дома была идеальным местом: безлюдно, но не настолько, чтобы тело нашли через неделю. Ему нужно было понять, что его нашли не случайно. Что за ним выходили. Чтобы другим неповадно было.

Я работал методично. Без гнева. Это была процедура. Он хрипел, бормотал что-то о прощении. Я его не слушал. Слушал тишину вокруг.

И услышал.

Тишина сломалась. Не звуком, а его отсутствием. Пропал далёкий лай собаки. Замер скрип снега под чьим-то шагом, который я уловил краем слуха за минуту до этого. Кто-то застыл в темноте, наблюдая.

Я закончил удар, поправил перчатку. Не поворачивая головы, боковым зрением поймал слабый голубоватый отсвет из-за угла гаража. Экран телефона. Снимали.

Первая мысль была холодной и простой: устранить. Но я уже повернулся — достаточно, чтобы тень и свет фонаря лег-

ли на моё лицо. Если это был сторож или случайный алкаш — не проблема. Но если… Если это была проверка, провокация конкурентов или, что хуже, какие-нибудь оппозиционные блогеры с адреналином вместо мозгов — тогда спешка убийства была ошибкой. Нужно было видеть врага.

Я сделал паузу, давая тому, в тени, время осознать, что его заметили. Чтобы страх проник в кости. Потом медленно повернул голову в сторону гаража. Не уставился, нет. Просто показал, что знаю. Я видел лишь смутный силуэт, небольшого роста. Девушка, судя по всему. Одинокая.

Я плюнул и ушёл. Садясь в машину, отдал короткий приказ водителю: «Круг. Медленно». Мы проехали по соседним улицам, но никого не увидели. Она либо прижалась где-то в подъезде, либо побежала к жертве. Сентиментальная.

Анализ

Через два часа у меня на столе лежало всё. Кадры с двух камер наблюдения на соседних домах, размытые, но достаточные. Лицо. Анкета. Анастасия Королёва, двадцать семь лет, инженер-проектировщик в небольшой фирме. Живёт одна, снимает квартиру в пяти минутах от места. Родители в другом городе. Не замужем. Соцсети — скудные, фото чашек кофе и облаков. Идеальная пустышка. Не блогер. Не журналистка. Скорее всего, действительно случайность.

Мой юрист позвонил из участка: «Заявление анонимное. Видео есть, но лиц не видно. Девушка описания не дала. Перепугана».

Это было хорошо. Страх — разумное начало. Но страх должен быть управляемым. Неконтролируемая паника заставляет людей совершать глупости — нести видео в редакции, писать посты.

Нужно было сделать следующий ход. Не угрожать. Угроза — это признание слабости, это крик. Нужно было продемонстрировать тотальное знание. Всевидящее око. Чтобы она поняла, что любое её действие — уже предусмотрено. Чтобы её страх превратился из паники в парализующий ужас, в осознание собственной ничтожности.

Я написал письмо сам. Короткое. Вежливое. Как благодарность от муниципалитета. Но с деталями, которые оставят в её сознании дыру. Название файла. Название папки в облаке. Её детский пароль — «Марсик2007», имя умершего кота, который фигурировал в её старом, забытом дневнике.

Наблюдение

Я приказал установить за ней мягкое наблюдение. Не преследовать. Просто быть в поле зрения. Чтобы она чувствовала. Чтоб знала, что её новый мир теперь имеет стеклянные стены.

Мой помощник спросил: «Надо ли её… успокоить? Навсегда?»

Я посмотрел на него поверх очков для чтения.— Зачем? Мёртвые свидетели создают вопросы. А живые, напуганные до полусмерти, — создают тишину. Она уже ничего не скажет. Она будет бояться даже во сне. Она — мой лучший аргу-

мент для следующего Бориски, который задумает вольность. Она — живое доказательство, что за тобой могут выйти не только в тёмный переулок. Они могут зайти в твой компьютер, в твою жизнь, пока ты спишь. И просто сказать «спасибо». Это дорогого стоит.

Он кивнул, впечатлённый.

Я вернулся к отчётам. Всё было спокойно. Система работала. Корректировка прошла успешно. А эта девушка, Анастасия… она теперь часть ландшафта. Как тот гараж, у стены которого она стояла. Как фонарь, под которым я работал. Нейтральный, немой объект.

Иногда, в редкие моменты, когда я остаюсь один в кабинете, я думаю о её глазах на тех кадрах с камеры. Широко открытых, полных животного ужаса. В этом есть своя… чистота. Простой, неразбавленный инстинкт выживания. В моём мире так мало чего-то настоящего. Её страх — реален. И в этом смысле, он, пожалуй, самая честная вещь, что осталась в этом городе.

Я её не трону. Пока. Она — мой барометр. Мой живой детектор тишины. И пока она молчит, зажимая крик внутри, — в моём мире всё в порядке.

Глава 3

Перелом

Тишина длилась три недели. Идеально. Мои люди докладывали: девушка живёт как мышка. Маршрут «дом-работа-магазин». Не ходит по ночам. Не встречается с друзьями. Не посещает полицию. Работает, смотрит в окно. Идеальный свидетель.

А потом пришло сообщение. Не от неё. От моего хакера, который вёдёт наблюдение за её цифровым следом.

«Появилась активность. Создан новый email на одноразовый сервис. С него отправлено одно письмо. Адресат — личный ящик следователя Петрова, который вёл дело Бориски. Текст: «Файл «Ночь у контейнеров_полная_версия.wmv» будет загружен в общий доступ ровно через 48 часов, если вы не сделаете официальный запрос по делу № 347-21 и не вызовете на повторную беседу Лебедева В.К. как свидетеля. Там есть его лицо. Это ультиматум».

Я перечитал сообщение. Внутри всё замерло, но не от страха. От холодной, яростной волны удивления. Удивления. Я ошибся. Глубоко и грубо ошибся. Это была не паника. Это был расчёт. Она не просто испугалась и затаилась. Она готовилась. Молча, методично, как инженер, которым она и была. Она изучила мою систему, поняла её слабое место — публичный скандал, официальное внимание. И нащу-

пала моё единственное уязвимое место: моё лицо на видео.

Она не убежала в редакцию с криком. Она поставила тикающую бомбу, привязанную к процедуре. Запрос следователя — это уже бумага, которую не спрячешь. А если я «отказываюсь» явиться, или если видео всё же утекает… Шум будет именно того рода, которого я стараюсь избегать: не криминальная хроника, а политический скандал с «уважаемым предпринимателем».

Мой помощник вошёл, увидел моё лицо и замер. Я медленно снял очки, протёр линзы.

— Наши прогнозы были неверны, — сказал я тихо. — Она не ландшафт. Она сапёр. И только что обрезала не тот провод.

— Что прикажете? Найти и…?

Я качнул головой. Нет. Теперь это был другой класс задачи. Прямое устранение после такого письма будет первой версией у следователя. Петров не гений, но и не идиот. А если файл действительно загружен в сеть с таймером… Её смерть может стать спусковым крючком.

Нужно было думать иначе. Она перестала быть нейтральным объектом. Она стала игроком. Слабым, отчаянным, но игроком. А с игроками ведут переговоры или снимают с доски так, чтобы это выглядело естественно.

Я поднял на помощника взгляд.— Всё мягкое наблюдение — прекратить. Немедленно. Она должна почувствовать, что давление ослабло. Что она выиграла этот раунд.— Но,

босс…— Она ожидает нашего ответа. Ожидает грубой силы, слежки, угроз. Мы дадим ей обратное. Тишину. Пусть думает, что мы испугались её ультиматума. Пусть расслабится на секунду. А ты найди всё про этого Петрова. Его долги, его слабости, его несделанную работу по другим делам. И подготовь досье на саму Анастасию. Не то, что есть. То, что может появиться. Психиатрические заключения о паранойе, долги перед микрофинансовыми организациями, переписка в Darknet… Всё, что дискредитирует её как источник.

Я подошёл к окну. Город лежал внизу, мой город. И где-то в нём одна маленькая, испуганная девушка решила, что может постучать в мою дверь. Не с мольбой, а с кувалдой. В этом была… наглость. Почти уважаемая.

— И ещё одно, — сказал я, не оборачиваясь. — Найди того, кто выжил. Бориску. Где он сейчас, в какой больнице. С ним нужно поговорить. Чтобы он, если вдруг, рассказал, как сам спровоцировал нападение, как оскорбил меня, как угрожал. Чтобы из жертвы он превратился в агрессора. Она играет в правду? Мы создадим другую.

Помощник кивнул и вышел.

Я остался один. Гнев улёгся, сменившись холодной концентрацией. Анастасия Королёва. Я назвал её «живым детектором тишины». Но она решила стать колоколом. Очень громким.

Хорошо.

Значит, тишину придётся создавать иначе. Не страхом,

а паутиной. Не устрашением, а тотальной дискредитацией. Чтобы, когда она нажмёт «отправить», мир увидел не смелую свидетельницу, а больную истеричку с долгами и манией преследования, мстящую успешному бизнесмену из-за личной обиды. А её главное доказательство — видео — окажется подкреплено «чистосердечным признанием» самой жертвы, что всё было не так.

Я снова надел очки. Время сантиментов кончилось. Началась игра. И у меня был веский повод не просто наблюдать, а играть всерьёз. Почти с интересом.

Она хотела диалога с системой? Она его получит. Только диалог этот будет на моём языке. И первое слово в нём будет не угроза, а… милосердие. Показательное. Возможно, я даже позвоню ей сам. Вежливо. Объясню, какое недоразумение произошло. И предложу помощь – разумеется, психиатрическую.

Война страхом была проста. Война правдой — гораздо изощрённее. И, признаться, уже давно не было у меня такого достойного, пусть и крошечного, противника.

Глава 4

Сорок семь часов. Я смотрела на таймер на экране ноутбука. Две цифры, холодные и зелёные, отсчитывали секунды до того, что я уже не смогу отменить. «Ультиматум». Какое громкое слово для того, что на самом деле было криком, закованным в логику.

Первые дни после его письма я провела в параличе. Этот «вежливый» удар был страшнее любой угрозы. Он показывал не силу, а всепроникающую власть. Он мог залезть в мои воспоминания, в моё детство. Марсик. Как он нашёл Марсика? От этого не спрячешься двойными замками.

Потом пришла ярость. Тихая, свинцовая. Та, что заставила не плакать, а сесть и думать. Я — инженер. Я решаю задачи. Задача: один человек против системы. Система подавляет страхом, деньгами, связями. Её уязвимость? Её репутация. Её фасад. И моё единственное оружие — тот самый «удачный кадр», как он выразился.

Я не спала трое суток, изучая уголовный кодекс, статьи про вызов свидетелей, про то, как запускается механизм. Я поняла главное: если я просто выложу видео в сеть, оно утонет в потоке. Его назовут монтажом, фейком. Меня объявят сумасшедшей. Нужно было встроить его в систему, которую он так контролирует. Заставить эту систему хоть на миг повернуться к нему лицом. Официальный запрос из следствен-

ного отдела — это уже не просто видео из интернета. Это документ. Это начало, крошечная трещина в его броне.

Я отправила письмо. И тут же почувствовала, как исчезло давление. Пропали машины под окном. Исчез парень с объявлениями. Они отступили. Первая мысль — облегчение. Вторая, леденящая, — что это ловушка. Что они дают мне ложное чувство безопасности, чтобы нанести удар. Я ждала чего угодно: врывающихся в дверь, звонка, новой «вежливой» записки.

Но была тишина. Глухая, звенящая. Та самая тишина, которой он так дорожил. Моя рука то и дело тянулась к мышке, чтобы отменить таймер. Стереть всё. Вернуться в роль испуганной мышки. Это было бы так легко.

Но я смотрела на таймер. Сорок три часа.

Звонок

Он раздался ровно через сутки после отправки ультиматума. Неизвестный номер. Сердце упало куда-то в пятки, замерло. Я подняла трубку, не сказав ни слова.

— Анастасия? — голос был низким, спокойным, вежливым. Таким же, как в том письме. В нём не было ни капли напряжения. — Это Виктор Лебедев.

Мир сузился до точки. До этого голоса в трубке. Я не могла вымолвить ни звука.

— Я понимаю, вы, вероятно, не хотите со мной разговаривать. И я вас понимаю. Но я считаю, что между нами произошло серьёзное недоразумение. Тот инцидент… вы непра-

вильно всё истолковали. Человек, с которым у нас была словесная перепалка, к сожалению, страдает от зависимости и сам спровоцировал конфликт. Я пытался его урезонить. Всё вышло из-под контроля, я признаю. Но то, что вы восприняли как нападение… это была попытка самообороны, вышедшая за рамки.

Он делал паузы, давая словам осесть. Каждое звучало отчеканенно, продуманно.

— Ваше решение обратиться к правосудию… оно похвально. Но, боюсь, вы сами станете главной жертвой этого процесса. У меня есть информация, что вы последнее время находились в состоянии сильного стресса. Ваш работодатель отмечал вашу рассеянность. Были обращения к неврологу. Я… я не хочу, чтобы на вас обрушился ещё больший груз. Я готов помочь. Финансово, чтобы вы смогли взять паузу, пройти курс реабилитации. И юридически — чтобы закрыть это недоразумение без шума, который испортит жизнь нам обоим.

Это было гениально. Не «молчи, или тебе хуже будет». А «посмотри, как я о тебе забочусь, бедная, больная девочка». Он предлагал мне спасительный выход, за который мне пришлось бы заплатить своим молчанием, признанием собственной неадекватности. Он создавал альтернативную реальность, где он — милосердный самаритянин, а я — истеричка с расшатанными нервами.

Я нашла голос. Он прозвучал тихо, но не дрогнул.— Вы

хотите, чтобы я отменила таймер.— Я хочу, чтобы вы поступили разумно. Правда — штука гибкая, Анастасия. И суды верят не видео с трясущейся камеры, а экспертизам, показаниям, фактам. А факты, к сожалению, могут быть против вас. Я лишь предлагаю цивилизованное решение.

В его голосе не было злобы. Только сожаление и лёгкая усталость от необходимости всё это объяснять.

— У вас осталось двадцать три часа, — сказала я и положила трубку.

Руки тряслись. Я обхватила себя, чтобы не разлететься на куски. Он не угрожал. Он предсказывал. Он рисовал картину моего будущего: дискредитированной, одинокой, с клеймом сумасшедшей. И часть моего мозга кричала, что он прав. Что он выиграет. Что он всегда выигрывает.

Я встала и подошла к окну. Напротив, на скамейке, сидел мужчина с собакой. Раньше его там не было. Собака была большая, спокойная. Мужчина читал газету. Он не смотрел на мой дом. Но он был там. «Мягкое наблюдение» кончилось. Началось жёсткое. Или это была моя паранойя? Он же только что предложил мне помощь. Может, это просто сосед?

Я не знала. Я больше ничего не знала наверняка. Кроме одного.

Я посмотрела на таймер. Двадцать два часа пятьдесят семь минут.

У меня был выбор: принять его реальность, где я — ошиб-

ка, которую нужно мягко стереть. Или продолжить двигаться по своей, где я — единственный свидетель, держащий в руках щепотку правды.

Я вернулась к ноутбуку. Открыла второй, секретный файл. Не видео. Текст. Всё, что я успела узнать о нём за эти недели. Ссылки, имена, даты. Если видео — это спичка, то этот файл — промасленная ветошь. Он не остановит его. Но, возможно, сделает пожар слишком ярким, чтобы его можно было легко потушить.

Я установила на него новый таймер. С синхронизацией с первым.

Он играл в шахматы, создавая сложные многоходовки. А я, похоже, научилась играть только в одну игру: в поджигательницу. Даже если сгорю сама.

Глава 5

Встреча

Таймер показывал шесть часов, когда я переступила порог своей квартиры. Шесть часов до того, как сработают оба предохранителя. Усталость была тяжелой свинцовой накидкой на плечах. Я толкнула дверь, щёлкнул выключатель.

И замерла.

Он сидел в моём кресле у окна, том самом, из которого я люблю смотреть на город. Не в пальто, а в тёмном дорогом свитере. Ноги были вытянуты, руки сложены на животе. Он смотрел не на меня, а на книгу в моих руках — потрёпанный томик стихов Цветаевой, который я купила сегодня у букиниста, пытаясь отвлечься.

— «В огромном городе моём — ночь», — произнёс он задумчиво, не поднимая глаз. — Подходящее чтение.

Внутри всё провалилось в бездонную ледяную яму. Не страх. Пустота. Он был здесь. В моей крепости. В последнем углу моей вселенной, который должен был быть неприкосновенным.

Я не закричала. Не бросилась бежать. Я медленно поставила сумку на пол, повесила куртку. Руки не дрожали. Как будто я ждала этого. Возможно, так оно и было.

— Как вы вошли? — спросила я. Голос звучал ровно, почти буднично.

— Дверь, — он слегка пожал плечом. — Она защищает от грубой силы. Не от профессионалов. Не волнуйтесь, ничего не сломано.

Наконец он поднял на меня взгляд. И в его глазах, этих плоских, холодных глазах «Хозяина», промелькнуло что-то новое. Не гнев, не презрение. Острое, живое удивление. Он рассматривал меня, как раритет, который не совпал с описанием в каталоге.

— Вы не похожи на ваши фотографии, — сказал он наконец. — На тех снимках с камер — испуганный заяц. А в жизни… — Он сделал паузу, подбирая слово. — Вы обладаете определённой… внутренней архитектурой. Это видно по лицу. По тому, как вы сейчас стоите. Я ожидал истерики. Слёз. Мольбы.

— Вы уже предлагали мне лечение от истерии, — напомнила я, оставаясь у прихожей. — Я отказалась.

Он тихо рассмеялся. Коротко, беззвучно. — Да. Я недооценил вас. Глубоко. Это редкая и дорогая ошибка. Ваш ультиматум, ваш холодный звонок… это не отчаяние. Это стратегия. Жесткая, отчаянная, но стратегия. Откуда это в вас, Анастасия? Инженер-проектировщик из провинции, тихая мышка.

Я сделала шаг вглубь комнаты. Не к нему. К маленькому кухонному столу. — Может, потому, что мыши, когда их загоняют в угол, тоже кусаются. Или потому, что у меня не было выбора, кроме как перестать быть мышью.

Я села на стул напротив него, через всю комнату. Стол был между нами, как баррикада. Я встретила его взгляд. Не опустила глаза.

— Вы пришли меня убить, — констатировала я. — Потому что таймер — это уже не блеф. Это реальность. И ваши многоходовки с Петровым и досье — они не успеют сработать за шесть часов.

Он покачал головой. — Убийство — самое простое решение. И, как я уже говорил, слишком очевидное в данной ситуации. Нет. Я пришёл… посмотреть. Убедиться. И, возможно, сделать последнее предложение.

Он наклонился вперёд, локти на коленях. Его осанка, его присутствие заполняли крошечную комнату, давили на стены. — Вы красивы, — сказал он неожиданно, откровенно. — Не в общепринятом смысле. В вашей… цельности. В этой тихой ярости, которая светится изнутри, как сталь в сумерках. Это ценный ресурс. Редкий. Я уничтожаю то, что угрожает. Но я также умею ценить и присваивать ценное.

Он говорил так, будто обсуждал дизайн небоскрёба или приобретение редкой картины.

— Я предлагаю не сделку. Я предлагаю… переход. Вы уничтожаете таймер. Всё. Исходные файлы. Вы приходите ко мне. Не как жертва. Как… актив. Вы умны, хладнокровны, у вас есть то, чего нет у моих тупоголовых подручных — инженерный ум и неожиданная дерзость. Я научу вас всему. Вы будете не свидетелем, а частью механизма. Вы будете за-

щищены, обласканы, наделены властью и ресурсами. Вам не придётся бояться. Вы станете страхом для других.

Он сделал паузу, давая мне осознать масштаб.

— Или вы можете нажать на свою красную кнопку. И тогда мы будем воевать. Вы проиграете. Я сделаю так, что ваше имя станет синонимом позора и безумия. Каждого, кто попытается вам помочь, я сломаю. Ваши родители в провинции… у них ведь ипотека? И небольшая аптека, верно? Хрупкий бизнес. А вы сгорете в своем пожаре в полном одиночестве. И после вас не останется даже пепла. Только дурная память.

Он встал. Он был высоким, и в моей низкопотолочной квартире он казался гигантом. Он подошёл к столу, положил перед собой маленький, элегантный телефон.

— Вот номер. Мой личный. У вас есть два часа, чтобы решить. Позвоните — и ваш мир изменится. Наконец-то в лучшую сторону. Не позвоните… — он усмехнулся. — Что ж, мне давно не приходилось лично тушить пожары. Будет интересно.

Он направился к двери. Его движение было бесшумным и грациозным, как у большого хищника. У выхода он обернулся.

— Вы удивили меня, Анастасия. По-настоящему. В моём возрасте это дорогого стоит. Не выбрасывайте этот шанс. Красота и ум — смертельно опасное сочетание, если за ними не стоит реальная сила. Я могу дать вам эту силу.

Дверь закрылась за ним беззвучно.

Я осталась сидеть за столом, глядя на чёрный прямоугольник телефона. Рядом с ним лежала моя книга, открытая на стихотворении, которое он процитировал.

«В огромном городе моём — ночь. Из дома сонного иду — прочь.»

Я потянулась не к телефону. Я взяла книгу. Прижала её к груди, чувствуя шершавую бумагу обложки. Он говорил о силе, о власти, о переходе на тёмную сторону. Он видел во мне ресурс, диковинку, «внутреннюю архитектуру».

Но он не увидел главного. Он не спросил, зачем я всё это начала. Не из мести. Не из жажды справедливости. А потому, что в ту ночь у мусорных баков я увидела не просто преступление. Я увидела, как один человек стирает другого, как ластик стирает карандашный набросок. И поняла, что в мире, где такое возможно, не остаётся места ни для чего хрупкого, настоящего. Ни для книг Цветаевой, ни для памяти о коте по имени Марсик, ни для тихой жизни инженера, которая мне так нравилась.

Он предлагал мне стать Ластиком. Самой мощной, уважаемой, красивой Ластик в городе.

Я посмотрела на таймер на экране ноутбука в спальне. Пять часов пятьдесят минут.

Я подошла к окну, к своему креслу, где он только что сидел. Оно ещё хранило лёгкое тепло другого тела. Внизу, у подъезда, стоял чёрный автомобиль. Не внедорожник. Дру-

гой. Изящный, дорогой. Он ждал звонка.

Я взяла телефон, который он оставил. Он был тяжёлым, холодным. Я открыла крышку. Чистый экран, одна единственная контактная запись — «В.К.Л.»

Я набрала номер. Не его. Я набрала номер следователя Петрова. Слушала длинные гудки.

Сила. Он говорил о силе. Но настоящая сила, я поняла это сейчас, глядя на огни города, — это не в том, чтобы присоединиться к монстру. И не в том, чтобы героически сгореть.

Настоящая сила — в том, чтобы остаться человеком. Даже когда всё вокруг предлагает тебе стать чем-то другим. Даже если это будет твой последний человеческий поступок.

— Петров, — наконец ответил голос в трубке, сонный и раздражённый.

— Это Анастасия Королёва, — сказала я чётко, глядя на чёрную машину внизу. — Я готова дать официальные показания. И предоставить все имеющиеся у меня материалы. Лично. Сейчас. Если вы гарантируете мою безопасность по дороге в участок.

Я положила его телефон рядом со своим. Пусть послушает. Пусть знает, какой выбор я сделала.

Архитектор или поджигательница? Нет. Я выбрала третье. Я выбрала быть маяком. Даже если это последний свет, который я успею зажечь.

Глава 6

Гулкие гудки сменились короткими гудками занятости. Потом — тишина. Петров положил трубку. Он положил трубку, услышав моё имя. Я стояла у окна, сжимая в руке свой телефон, и наблюдала, как чёрный автомобиль внизу плавно трогается с места и скрывается за углом. Никакого спецназа, выезжающего на мой вызов. Никаких мигалок. Только пустота. Петров сделал свой выбор. Или ему помогли его сделать.

Лёд внутри сменился странным, почти облегчающим спокойствием. Так вот как это выглядит — дно. Когда все двери захлопнулись. Когда «система», в которую я так наивно пыталась встроить свою правду, показала своё истинное лицо — оно было его лицом.

Я медленно опустилась в его ещё тёплое кресло. Запах — дорогого одеколона, кожи, холодного зимнего воздуха — всё ещё витал в складках ткани. Он ждал моего звонка. Он был уверен, что после такого молчаливого краха я сломаюсь. Возьму его телефон. Сделаю единственный разумный, по его меркам, выбор.

Я взяла его телефон. Тяжёлый, холодный слиток власти. Я открыла крышку, глядя на единственную запись. В.К.Л. Виктор Константинович Лебедев. Мой персональный дьявол, предлагающий сделку.

На моём собственном телефоне вспыхнуло уведомление. Сообщение с неизвестного номера. Всего одно слово:«Жаль.»

От него. Конечно. Он знал о звонке Петрову. Он всё видел. И это было его оценкой моего «героического» жеста. Жаль. Как о потраченном впустую ресурсе. Как о том, что можно было бы использовать, а теперь придётся утилизировать.

«Ресурс». Это слово вдруг обожгло изнутри, не ледяным, а яростным огнём. Халатность.Халатность — это не просто ошибка. Это когда человеческая жизнь в твоих руках становится «ресурсом». Статистикой. Неудобной мелочью, о которую спотыкается твой комфорт, твоя карьера, твоё благополучие.Я знала об этом не из статей. Я знала это на вкус больничного антисептика, на звук тишины в комнате, где больше не слышно смеха. На ощущение пустоты в руках, привыкших держать маленькие, тёплые пальцы. Александра. Наша Саша. Ей было три. А могло бы быть шесть . Вина мужа была незлой, бытовой, страшной в своём будничном ужасе: «не проверил», «подумал, что крепче», «отвлёкся на звонок». Одно мгновение халатной невнимательности на детской площадке — и мир перекрасился в оттенки «до» и «после». Он не хотел зла. Он просто отнёсся к её безопасности как к чему-то второстепенному. И система — врачи, эксперты, судьи — всё списала на трагический несчастный случай. Никто не ответил. Никто.И теперь этот человек, Лебедев, с

его холодными глазами и безупречным костюмом, с его «разумными выборами» и «политической целесообразностью», относился к чужим жизням с той же преступной, умытой дорогим мылом халатностью. Как к расходному материалу в своей игре. Это уже была не просто злоба или страх. Это была личная, выстраданная ненависть. Я не могла принять этого. Не могла смириться с этим во второй раз. Даже если бы это смирение купило мне безопасность.

Я положила оба телефона на стол. Таймер показывал пять часов двадцать минут. Я подошла к ноутбуку, открыла программу, где тикали цифры. Моя рука замерла над клавиатурой. Я могла всё отменить. Взять его телефон. Позвонить. Сказать: «Я согласна». И мир бы перевернулся. Страх бы кончился. Началась бы другая жизнь. Жизнь в роскошной клетке с бархатными стенами. Жизнь силы.

Я посмотрела на свою комнату. На книжные полки, заставленные технической литературой и потрёпанными томиками поэзии. На чертежи, приколотые к стене. На чашку с остатками утреннего кофе. На фотографию на полке, где мы втроём, и солнце, и смех. На мою жизнь. Хрупкую, обычную, настоящую, навсегда искалеченную одним мгновением чужой беспечности.

Она предлагала мне выбор между сгореть и продаться.

Но инженерный ум, тот самый, что он так ценил, продолжал работать. Искать третий путь. Обходное решение. Слабое звено.

Петров испугался. Система молчала. Но была ведь и другая система. Не та, что в его кармане или в кабинете следователя. Та, что вне его контроля. Шумная, хаотичная, непредсказуемая. Та, что ненавидит таких, как он — успешных, непотопляемых, с глянцевой репутацией. Пресса? Нет, её тоже можно купить или запугать. Блогеры? Слишком мелко, легко дискредитировать.

И тут мой взгляд упал на открытый файл с заметками. На одно имя, которое я выписала ещё в начале своих исследований, но отмела как бесперспективное. Илья Громов. Оппозиционный депутат городской думы. Бывший следователь, уволенный за «нарушение субординации» после попытки возбудить дело о коррупции в строительном комитете, тесно связанном с Лебедевым. Отчаянный, несговорчивый, с репутацией человека, которого нельзя купить, потому что ему уже нечего терять. Его называли городским сумасшедшим. Его игнорировали. Его прессовали.

Возможно, именно такие сумасшедшие и были нужны. Люди, для которых чужая жизнь — не ресурс, а единственная и неповторимая ценность, которую уже не вернуть. Люди, знающие вкус необратимой потери.

Идеальный союзник для другой сумасшедшей.

У меня не было его личного номера. Но был публичный email для обращений избирателей. Шанс, что письмо дойдёт, — один на миллион. Но это был шанс.

Я села и начала печатать. Без эмоций. Только факты. Да-

ты, имена, названия фирм-прокладок, номера счетов, которые я выуживала по крохам из открытых источников и слитых когда-то баз данных. Я не упоминала про видео. Не упоминала про себя. Я отправляла ему не историю свидетеля, а головоломку для следователя. Неопровержимую, пахнущую большим делом. И в конце добавила одну строку:

«Доказательства, напрямую связывающие Лебедева В.К. с насильственными преступлениями, будут обнародованы через 5 часов. Источник нуждается в защите. Код для подтверждения подлинности — «Марсик2007».

«Марсик2007» — это была кличка нашего погибшего кота. Саша её придумала. Ещё один обломок прошлой жизни, пароль в мир, где халатности ещё не было места.

Я отправила письмо. Потом взяла его телефон. Тот, что с единственным номером. Я открыла контакты и вместо того, чтобы позвонить, начала набирать текст. Коротко, как он.

«Ваше предложение рассмотрено. Условия не принимаются. Но я открыта для диалогу на других условиях. Место: кафе «Берлин» на Преображенской, 22. Время: через 3 часа. Один на один. Без ваших людей. Я приду. Или видео уйдёт в сеть не через 5 часов, а через 2. После моего невыхода из кафе. Ваш ход.»

Я нажала «отправить». И вынула батарейку из телефона.

Я не была наивной. Он не придёт один. И я не была самоубийцей. Кафе «Берлин» было крошечным, с большими окнами, всегда полным народа. Напротив — здание с камерами

наблюдения, которые принадлежали не городу, а крупному банку, у которого были свои счёты с Лебедевым. А ещё — в двух минутах ходьбы был офис того самого депутата, Громова. Я проверила его расписание на сайте. Через три часа у него там должна была быть встреча с жителями.

Я не шла на сделку с дьяволом. Я создавала контролируемый взрыв на нейтральной территории. Заставляла его выйти из тени, сделать движение. А дальше… дальше был хаос. Хаос, в котором, возможно, проскользнёт правда. Или в котором я хотя бы не исчезну бесследно в своей квартире, как исчезла из этого мира моя дочь, стираемая из реальности чьей-то безразличной рукой.

Я оделась потеплее. Спрятала флешку с оригиналом видео в потайной карман куртки. Взяла свой телефон, оставив его выключенным. Посмотрела на таймер. Четыре часа пятьдесят минут.

Я шла не на встречу. Я шла на поле битвы, которое выбрала сама. Он думал, что играет в шахматы, холодно переставляя фигуры-ресурсы. Я решила сыграть в городские guerrilla-войны, где нет ресурсов, есть только живые и мёртвые. Где правила пишет тот, кто готов сжечь все мосты, потому что самое ценное уже сгорело в пламени одной трагедии.

Или, в моём случае, — нажать на спусковой крючок всемирного позора для одного очень важного человека, который забыл, что каждая жизнь — это вселенная. Даже если цена за это — моё исчезновение. Я уже однажды заплатила

слишком высокую цену за чью-то халатность. Теперь пришло время платить ему.

Глава 7

(От лица Виктора Лебедева)

Непредвиденная переменная

Сообщение пришло, когда я уже отдавал распоряжения по нейтрализации угрозы. План был прост и элегантен: через два часа в её квартиру ворвётся «психиатрическая бригада» по анонимному вызову о буйном больном. Не убийство. Госпитализация. В палате с мягкими стенами, под капельницей, она быстро потеряет всякий кредит доверия. А пока врачи будут её «успокаивать», мои люди изымут ноутбук и все носители. Аккуратно, без лишнего шума.

И тут пришло её сообщение. На мой личный номер, с того же самого телефона, который я ей оставил.

Я прочёл его. И впервые за многие годы почувствовал нечто вроде… восхищения. Грязного, раздражённого, но восхищения. Она не сломалась. Она не приняла предложение. Она пошла ва-банк, повышая ставки. И сделала это не как жертва, а как равный игрок, диктующий условия.

«Кафе «Берлин». Один на один. Без ваших людей.»

Наглость была запредельной. И гениальной. Она выбрала место — людное, с камерами, в двух шагах от того сумасшедшего Громова. Она создавала публичную сцену. Она вытаскивала меня из тени, заставляя играть на её поле.

Мой помощник ждал указаний, глядя на моё лицо.— От-

меняем вызов «скорой», — сказал я тихо. — Она вышла из игры в жертву. Она бросает вызов.— Это ловушка. Там наверняка полиция, или Громов, или журналисты.— Конечно, ловушка, — я откинулся в кресле. — Но не для меня. Для зрителей. Она хочет публичности. Хочет, чтобы её увидели со мной. Чтобы её исчезновение после этого было слишком кричащим. Она использует себя как живого щита.

Я задумался. Убить её в кафе? Невозможно. Схватить и вывезти при всех? Слишком рискованно. Игнорировать её ультиматум и позволить видео выйти раньше? Неприемлемо.

Она поставила меня в положение, где все мои стандартные ходы были проигрышными. Она заставила меня… пойти на встречу.

— Приготовьте машину, — сказал я. — И окружение. Незаметное. Я еду в кафе «Берлин».— Босс, вы не можете…— Я не могу не поехать, — перебил я его. — Она это просчитала. Она перевела наш конфликт из плоскости силы в плоскость имиджа. Если я проигнорирую её вызов, а видео выйдет, все скажут: «Лебедев испугался встретиться с девушкой». Это удар по репутации. По тому, что я контролирую ситуацию. Нет. Я встречусь с ней. И покажу всем, кто здесь настоящая сила.

Я посмотрел на экран с её фото. На это лицо с «внутренней архитектурой». Теперь я видел в нём не просто красоту или дерзость. Я видел опасный, острый интеллект. Инстру-

мент, который вот-вот мог выскользнуть из рук и поранить.

В кафе «Берлин»

Я вошёл ровно через три часа. Один. Мои люди растворились в городе — кто в соседнем магазине, кто в машинах в округе. Я был в обычном пальто, без намёка на статус. Но я чувствовал, как воздух в кафе сгустился. Узнавали. Шёпоток пробежал между столиками.

Она сидела у окна. Прямая спина, руки вокруг чашки. Она смотрела не на дверь, а на улицу. Будто ждала кого-то другого. Меня она заметила боковым зрением и лишь слегка повернула голову. Ни страха, ни вызова. Спокойная, ледяная собранность.

Я сел напротив.— Вы пришли одни, — констатировала она, не здороваясь.— Как и договаривались. Хотя ваше условие было наивным. Мир не работает по принципу «честной игры».— Я это уже усвоила, — её губы тронула едва заметная, горькая усмешка. — Спасибо за наглядный урок с Петровым.

Официантка, бледная как полотно, подошла взять заказ. Я попросил эспрессо. Анастасия молча покачала головой, отказываясь от дополнения.

— Зачем вы позвали меня сюда, Анастасия? Чтобы продемонстрировать свою смелость? Или чтобы попрощаться с миром в приличной обстановке?— Чтобы дать вам последний шанс, — сказала она тихо, глядя мне прямо в глаза. Её взгляд был чистым и невероятно усталым. — Шанс посту-

пить по-человечески. Сдаться. Признаться. Всё, что у вас есть — деньги, связи, власть — оно построено на страхе. Но есть вещи, которых не купить. Покой. Уважение, которое не основано на ужасе. Возможность спать, не думая о том, кому сегодня выбили зубы по вашему приказу.

Я рассмеялся. Искренне, от души.— Вы предлагаете мне капитуляцию? На основании моральной проповеди? Вы всерьёз думаете, что мир делится на хороших и плохих? Я — реалист. Я создаю порядок. Мой порядок. И в нём есть место для таких, как вы. Но не в роли судьи.— Я не судья, — она покачала головой. — Я свидетель. И иногда одного свидетеля достаточно, чтобы вся ваша красивая конструкция дала трещину. Видео выйдет. Слухи уже пошли. Я отправила досье Громову.

Внутри всё похолодело. Громов. Этот неуправляемый идиот. Это был уже не просто скандал. Это была политическая угроза. Моё лицо оставалось невозмутимым.— Громов — клоун. Его давно никто не слушает.— Но его могут начать слушать, если у него будут доказательства. И если я исчезну после этой встречи, он получит идеального мученика. Вы проигрываете в любом случае, Виктор Константинович. Вы можете только выбрать, как именно.

Она говорила не как загнанный зверь, а как шахматист, объявляющий мат в три хода. В её голосе была та самая «внутренняя архитектура» — незыблемая, холодная логика. И в этот момент я увидел не просто красоту. Я увидел зерка-

ло. Собственное отражение в молодости: безжалостное, расчётливое, готовое на всё для победы. Только её «всё» было направлено не на захват, а на уничтожение.

Мой эспрессо прибыл. Я сделал глоток, выигрывая время. Она была права. Ситуация вышла из-под контроля. Убийство здесь и сейчас было невозможно. Дискредитация требовала времени, которого не было.

— Что вы хотите? — спросил я, отставив чашку. — Конкретно.— Я хочу, чтобы вы сами пришли в следственный комитет. Сегодня. И рассказали всё. Про Бориску. Про другие дела. Про систему.— Самоубийство? — я усмехнулся.— Единственный способ сохранить хоть что-то. Вы потеряете свободу. Но сохраните жизнь. И, возможно, часть империи, которую можно будет передать законным путём. Иначе вы потеряете всё. Империю. Репутацию. Свободу. И, в конце концов, жизнь. Просто растяните процесс. Выбор за вами.

Она встала. Надела перчатки.— Таймер сброшен. У вас есть один час, чтобы принять решение. Если через час вы не будете в здании на Арбате, 37, видео и досье уйдут не только Громову, но и в пять федеральных СМИ, которые вы не контролируете. И в посольство одной очень недружественной страны, которая с удовольствием воспользуется скандалом.

Она посмотрела на меня в последний раз. В её взгляде не было ненависти. Была… жалость. Та самая, которую я ненавижу больше всего на свете.— Вы назвали меня ресурсом.

Вы ошиблись. Я — катализатор. Я просто ускорила процесс, который всё равно бы начался. Ваша империя построена на песке страха. А песок имеет свойство уходить из-под ног.

Она развернулась и пошла к выходу. Все в кафе смотрели на неё, потом на меня. Она шла ровно, не оглядываясь, растворяясь в вечерней толпе за стеклом.

Я остался сидеть, допивая холодный эспрессо. Ярости не было. Было холодное, ясное осознание поражения. Не от силы, а от её абсолютной, безупречной неподкупности. Она не боялась смерти. Она не хотела денег, власти, безопасности. Она хотела только одного — чтобы я пал. И ради этого была готова сгореть.

Я взял телефон, чтобы отдать приказ перехватить её. Но рука замерла. Она предвидела и это. Если её не станет в течение часа, сработает тот же механизм. Она превратила себя в живую мину.

Я положил телефон. Впервые за сорок лет у меня не было плана. Не было хода. Она отняла у меня всё: возможность действовать скрытно, возможность давить, возможность покупать. Она загнала меня в угол, из которого был только один выход — тот, что она указала.

Я вышел из кафе. Моя машина ждала. Шофёр открыл дверь.— Куда, босс?Я сел на заднее сиденье, глядя на огни города, который считал своим.— На Арбат, — тихо сказал я. — 37.

Это был не мат. Это была капитуляция. И в горьком при-

вкусе поражения было странное, почти садистское уважение к той девушке с глазами цвета зимнего неба. Она победила. Не силой. Не хитростью. А той самой «внутренней архитектурой», которую я с такой глупостью принял за ресурс. Она оказалась принципом. А против принципов, как я только что обнаружил, бессильны все деньги и все страхи этого мира.

Глава 8

(Два месяца спустя. От лица Виктора Лебедева)

Камера номер семь

Камера не была похожа на обычную тюремную. Скорее на гостиничный номер, лишённый всего лишнего. Письменный стол, кресло, кровать с жёстким матрасом. Исключительные условия для исключительного заключённого. Я потерял свободу, но не все рычаги. Суд был скорым и приговор — суровым, но мой юрист уже работал над апелляцией, а верные люди снаружи поддерживали структуры на плаву. Я проиграл битву, но не войну. И у меня оставался один неоконченный гештальт. Одна незакрытая страница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.